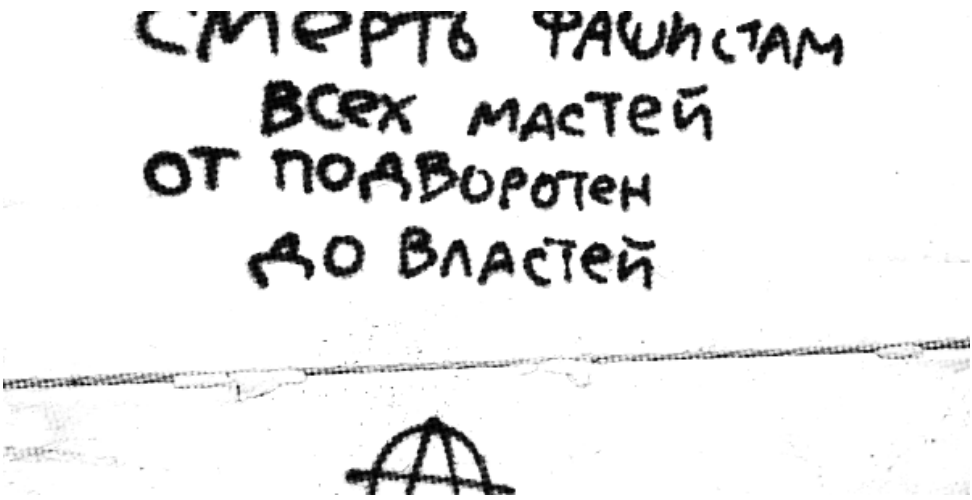
Рассказ анархистки -трансдевушки, сбежавшей после вербовки ФСБ

Рассказ анархистки-трансдевушки, сбежавшей после вербовки ФСБ

Original text in Russian

Иван Асташин

2026

theins.ru/confession/297336

New edition

Автономное Действие

avtonom.org/news/rasskaz-anarhistki-transdevushki-sbezhavshey-posle-verbovki-fsb

Layout

No Trace Project

notrace.how/resources/ru/#sbezhavshei-verbovki-fsb

Примечание редакции avtonom.org: Мы не рекомендуем подписывать какие-либо соглашения с силовиками, но считаем, что всегда следует действовать по обстоятельствам и допустимо спасать себя, если это можно сделать без причинения вреда окружающим.

В январе 2025 года сотрудники ФСБ пришли с обыском к 18-летней трансдевушке из Тюмени, нашли в ее телефоне переписку с «Боевой организацией анархо-коммунистов» (БОАК) и стали угрожать ей уголовным делом и многолетним сроком. Под давлением она согласилась на сотрудничество. Силовики поручили ей знакомиться с ЛГБТК-людьми, входить к ним в доверие и пытаться получить компрометирующую информацию. В разговоре с The Insider она рассказала, как выглядит вербовка, как ей удалось обмануть ФСБ и покинуть страну без связей, денег и загранпаспорта.

«Они нашли переписку с БОАК и сказали: 'Теперь тебе точно пиздец'»

15 января 2025 года я проснулась от того, что на меня орет и дергает за плечо человек в маске. Я тогда жила у родителей, они открыли дверь сотрудникам ФСБ. Те пришли с ордером от прокурора[1] и почему-то сказали, что ищут СВУ.[2]

Мне толком никаких бумаг не дали рассмотреть: ордером помахали перед лицом и сразу убрали. Дома были два следователя,[3] понятые и еще один фсб-шник в балаклаве и бронежилете. Изъяли компьютер, телефон и переносную камеру.

Когда я отказалась разблокировать телефон, фсб-шник в маске несколько раз ударил меня по спине. Бил и спрашивал: «Кашлять хочешь?» Я говорю: «Нет». Он снова бьет.

Потом мне натянули шапку на лицо, вывели в подъезд, посадили в машину и отвезли в городское управление ФСБ на Советской,

---

[1]Вероятно, речь идет о постановлении следователя о неотложном проведении обыска, в котором содержалась отметка об уведомлении прокурора. Разрешение на обыск выдает либо суд, либо следователь с последующим обращением в суд.

[2]Самодельное Взрывное Устройство.

[3]Силовики не представлялись героине материала и не называли свои должности, следователями в дальнейшем их называл ее отец.

40. Это было часов в шесть утра. Там меня подняли на третий или четвертый этаж и почти до вечера опрашивали.

Здание ФСБ на Советской, 40 в Тюмени.

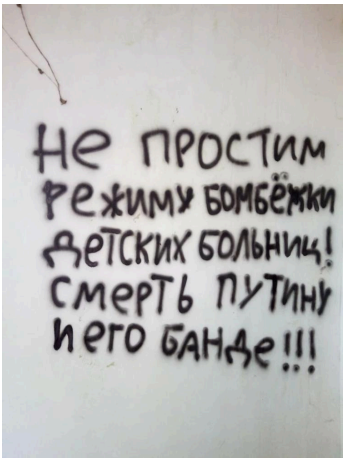
Сначала спрашивали, не хочу ли я сама им что-нибудь рассказать. Потом унесли телефон в другой кабинет, а минут через пятнадцать принесли обратно—все пароли уже были сбиты.

Следователей было двое, причем они максимально тупо разыгрывали «злого» и «доброго». Один орал, угрожал и смотрел, что у меня в телефоне. Второй задавал вопросы по тому, что ему говорил первый о содержимом моего телефона.

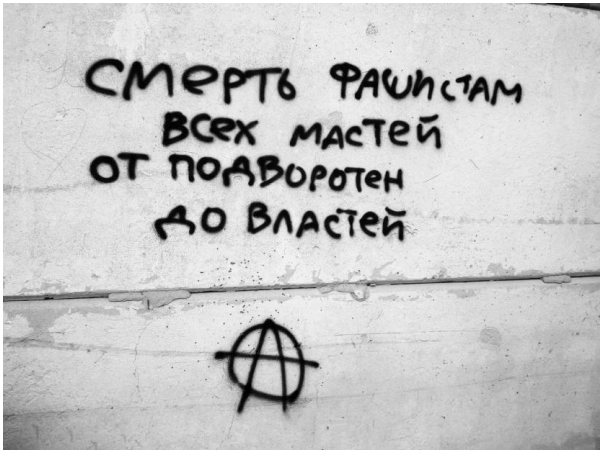
Я решила: раз доступ к телефону у них все равно уже есть, то все, что они могут там найти о деятельности нашей инициативы, я возьму на себя. Сказала, что листовки клеила одна, граффити рисовала тоже одна.

Одно из граффити, сделанных героиней материала с единомышленниками, Тюмень, август 2024 года.

Граффити, сделанное героиней материала с единомышленниками после российского обстрела Киева 8 июля 2024 года, в результате которого была разрушена детская больница Охматдет, Тюмень, июль 2024 года.

Одно из граффити, сделанных героиней материала с единомышленниками, Тюмень, август 2024 года.

А потом вспомнила, что кое-что не успела удалить. Но было уже поздно: они нашли переписку с БОАК—Боевой организацией анархо-коммунистов. Мы переписывались по электронной почте. Там обсуждались инструкции по анонимным звонкам и то, как налаживать товарищеские контакты для инициативы. В одном из писем еще упоминалась «тачка фашистов».

Именно эту переписку они потом назвали основанием для дела об «обучении террористической деятельности». Когда они ее нашли, то сразу заулыбались и сказали: «Ну все, теперь тебе точно пиздец».

При этом они продолжали искать. Кроме фотографий листовок, моего маленького канала левой направленности человек на 30 и этой переписки, особо ничего не нашли. Пытались добиться, чтобы я призналась в чем-нибудь помимо листовок, граффити и переписки с БОАК.

Например, они почему-то считали, что я собиралась устроить акцию против главаря тюменской «Русской общины», направленную против его автомобиля. Я сказала, что максимум речь шла о том, чтобы порезать шины, а потом я вообще от этой идеи отказалась—вот машина и стоит целая.

В самом управлении меня уже не били, там было в основном психологическое давление и неудобные условия. Например, я сидела не на стуле, а на системном блоке от своего компьютера. Они показывали на сейф в углу кабинета и рассказывали, что запихивают туда людей. Говорили, что одного человека якобы продержали там три дня и вообще не выпускали.

Еще сказали, что если бы поймали меня не в Тюмени, а на оккупированных после полномасштабного вторжения территориях Украины, то вообще убили бы. Тот, который играл «злого», угрожал бросить меня в камеру, где меня будут насиловать пять человек.

Где-то к вечеру меня отвезли обратно домой и, можно сказать, передали отцу с рук на руки. Никаких документов опять не выдали. Формально никакого домашнего ареста не было, но устно сказали: из квартиры никуда не выходить, иначе меня заберут в СИЗО.

Телефон, компьютер и камера остались у них.

После этого я стала замечать наблюдение за домом. Появлялись машины с незнакомыми номерами, а первые три дня около подъезда с утра до вечера сидел какой-то странный человек в камуфляже с велосипедом. Его замечала и мать, когда уходила на работу. Он особенно даже не скрывал, что сидит там не просто так.

Так я просидела дома примерно полторы недели.

«Тебе светит от 15 до 25 лет, единственный выход—сотрудничать»

Примерно через полторы недели меня вместе с отцом вызвали к зданию ФСБ. Там тот следователь, который играл «доброго», его зовут Даниил, сказал отцу, что все хорошо: мне якобы дадут административку—и на этом все закончится.

Мне вернули компьютер и камеру, а мобилу не выдали. Сказали, что теперь я могу ходить в университет, но больше никуда—только из дома в универ и обратно.

Корпус ТюмГУ, где вербовали героиню материала.

Вскоре Даниил позвонил отцу и сказал, чтобы я незамедлительно пришла в ТюмГУ, в корпус на Ленина, 16, кабинет N° 300. Я пришла. Он запер дверь и сказал, что мне грозят статьи об «обучении террористической деятельности» и за «оправдание терроризма». Показал какую-то распечатанную бумажку, где все это было перечислено.

На каком основании они собирались вменять мне «оправдание терроризма», я до сих пор не понимаю. В своем канале я ничего про российских партизан не писала. Может быть, они собирались подтянуть под это какой-то косвенный пост.

Он заявил, что мне светит от 15 до 25 лет, поэтому единственный выход—это сотрудничать. Я решила, что узнаю, кого они хотят спровоцировать, и успею свалить. И предупрежу того человека, против которого готовят провокацию.

Фсб-шник сказал, что, поскольку я ЛГБТ-персона, то должна подставлять тоже ЛГБТ-персону.

Я формально сказала, что буду сотрудничать, и бумажку подписала. Он надиктовывал, а я просто на листке А4 писала ручкой: я, фамилия, имя, отчество, обязуюсь сотрудничать с органами госбезопасности. Ну и все, внизу подпись. Там даже печати никакой не стояло, просто бумажка. Он сказал, что за разглашение всего этого мне грозит госизмена.

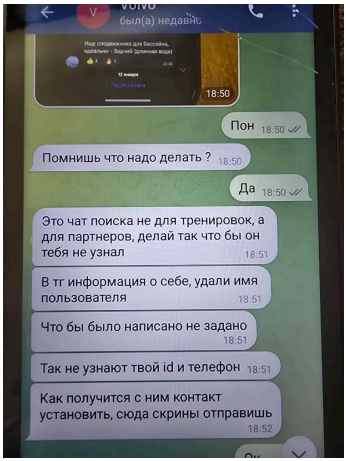
После того как я подписала бумагу, мне вернули телефон. Фсбшник сказал, что напишет в Telegram. После этого отпустил.

Выполнять их задание я не собиралась. Нужно было только понять, кого именно они хотят подставить, потянуть время и успеть уехать раньше, чем они поймут, что я ничего для них делать не буду.

«Войти в доверие и добиться, чтобы он признался, что ЛГБТ-персона»

В скором времени Даниил мне написал в Telegram. Он скинул чат знакомств и конкретного человека, которого я должна была спровоцировать.

Чат назывался «Качалка». Он был замаскирован под то, что там люди просто общаются и вместе занимаются спортом. Это было сделано, чтобы такие вот гады, как этот следователь Даниил, его не накрыли. Но он как-то, видимо, понял, что там не совсем про спорт, а больше про знакомства.

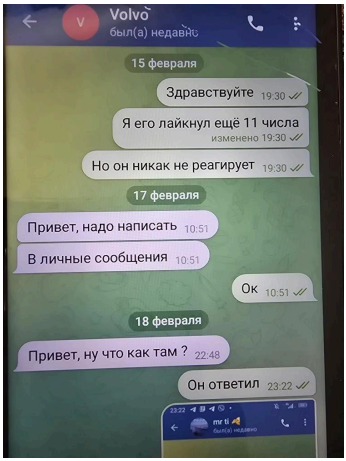
Скриншот переписки с сотрудником ФСБ.

Это общероссийский чат, там было несколько сотен человек. Даниил сказал, что там есть такой-то человек из Тюмени, скинул его ник и сказал ему написать. Этот человек писал, что любит

заниматься плаванием, поэтому фсб-шник сказал: напиши, мол, я тоже хочу плавать, давай познакомимся.

Была задача добиться, чтобы он признался, что он сам ЛГБТ-персона. Потом я должна была скинуть все это ФСБ. Что с человеком собирались делать дальше, мне не объясняли. На вопрос, зачем это им нужно, Даниил сказал, что мне на это не ответят.

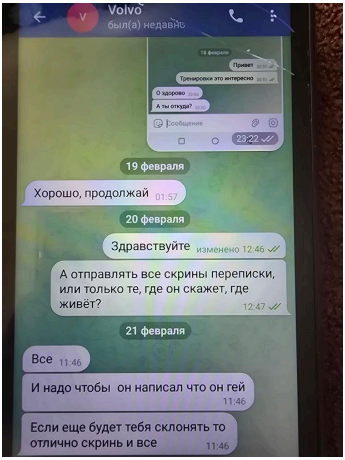
Я ему написала. Но дальше просто затягивала все это: по несколько дней не общалась вообще либо разговаривала с человеком на какие-то отвлеченные темы. Делала вид, как будто работаю, но на самом деле не делала того, что от меня требовали,—не пыталась вывести его на признание в ориентации.

Скриншот переписки с сотрудником ФСБ.

Параллельно я готовилась к бегству.

Я еще предполагала, что на мобилу могли поставить какую-то программу, потому что после того, как ее вернули из ФСБ, все приложения стали работать гораздо медленнее, при звонках появились какие-то помехи. А в Telegram среди устройств было не только мое устройство. Я его не стала удалять, чтобы не возбуждать у них подозрений. Поэтому всю коммуникацию, которая не касалась ФСБ, вела с незасвеченных устройств, в частности с левой мобилы, которую не нашли при обыске.

Скриншот переписки с сотрудником ФСБ.

Все это продолжалось где-то неделю или полторы. Я тянула время и понимала, что долго так продолжаться не сможет: либо мне придется действительно спровоцировать этого человека, либо, если я этого не сделаю, я сама, скорее всего, уеду уже в СИЗО.

Поэтому готовиться к побегу я начала сразу же после того, как мне вернули телефон.

«Иногда бывают моменты, когда или пан, или пропал»

План был бежать через границу в Казахстан. Тюмень находится недалеко от казахской границы, и я решила: главное сейчас—обезопасить себя и предупредить других, а там уже на месте разберемся.

Все осложнялось тем, что у меня не было загранпаспорта. Но в Казахстан можно было въехать по внутреннему российскому паспорту. Были, конечно, опасения, что меня задержат на границе, но я решила, что иногда бывают моменты, когда или пан, или пропал. Если шанс есть—надо попытаться свалить.

Я заранее репетировала, что буду говорить пограничникам: в университете каникулы, решила съездить посмотреть местные достопримечательности. С товарищами договорилась так: если я не выхожу на связь в течение следующих суток, значит, меня приняли.

24 февраля я бежала.

Я вышла из дома поздно вечером. У подъезда все равно периодически дежурили люди, в которых я подозревала гэбню, поэтому сначала надо было сбить слежку. Потом добралась до автовокзала.

Билет на автобус я купила всего за два часа до отправления—специально в последний момент, чтобы заранее ничего не просекли. Но когда я пришла на посадку, выяснилось, что примерно за час до отправления билет почему-то отменили. На автовокзале мне даже не смогли объяснить, почему.

Тогда я подошла к водителю и сказала, что мне очень надо в Казахстан. Наплела какую-то историю. Он поверил и согласился меня взять.

На российской границе сидел обычный уставший чиновник. Он просто посмотрел мой паспорт, вбил в систему, что я пересекла границу, и все. Казахские пограничники спросили о цели поездки. Я ответила по заранее подготовленной легенде, и меня тоже пропустили.

Как потом выяснилось, фсб-шники не успели вовремя узнать, что я поздно вечером ушла из дома и собираюсь за кордон. О моем пересечении границы они узнали только где-то через час-полтора после того, как я уже оказалась на той стороне.

Когда вышла из автобуса уже за пределами России, села на сумку и закурила. Потом побежала искать симку. Купила ее, написала товарищам, что смогла выбраться. А потом написала человеку, которого ФСБ хотела спровоцировать, и админу «Качалки», что против участников чата готовят провокации. Они сообщения прочитали, но ничего мне не ответили.

«Пересечь границу оказалось проще, чем выбраться дальше»

Моего отца на следующее утро вызвали в ФСБ и стали спрашивать, знает ли он, где я нахожусь. Сказали, что если узнает, то обязательно должен им сообщить.

С родителями я созвонилась уже спустя несколько дней. Отец рассказал, что через него мне передали примерно следующее: в Казахстане я могу находиться легально ограниченное время, поэтому мне предлагают самостоятельно вернуться в Россию.

Разумеется, возвращаться я не собиралась. Я знала, что Казахстан политических выдавал, поэтому начала думать, как уехать дальше. Пересечь границу с Казахстаном—это была только первая часть побега. Самая большая проблема заключалась в том, что у меня не было загранпаспорта.

Без заграна ты оказываешься в крайне маргинализированном положении. Пока действует срок легального пребывания, еще можно как-то существовать, а потом становится совсем тяжело. На легальную работу тебя практически не берут, нормально легализоваться сложно, а уехать дальше почти некуда.

По внутреннему российскому паспорту можно въехать только в несколько стран—Беларусь, Армению, Казахстан, Кыргызстан. И большинство из этих вариантов для человека, который бежит от российского политического преследования, небезопасны.

Поэтому загран надо пытаться делать сразу. У меня с этим тоже все пошло небыстро. В первый раз я пришла в консульство подаваться на загранпаспорт, но выяснилось, что они требуют не только заполнить анкету на сайте, но еще и принести ее распечатанной. В самой процедуре это не было прописано. Я побежала распечатывать, вернулась—а мне сказали, что я уже опоздала, и в тот день документы не приняли.

Потом я записывалась снова, и дальше все очень затянулось. Между попытками подачи, ожиданием записи и другими проблемами прошло больше двух месяцев. Какое-то время у меня еще и не было

нормального устройства, которое адекватно работало с сайтом консульства.

Один из вариантов выбраться дальше—гуманитарная виза. Я подавалась на французскую. Оснований для гуманитарной визы у человека, которого преследуют за политические взгляды, активизм или идентичность, вполне достаточно. Главная проблема—сроки.

Решение могут принимать очень долго. Если все получится за пять месяцев—это уже можно считать удачей. Нередко ожидание растягивается на восемь месяцев и больше. А все это время тебе надо как-то жить в стране, где у тебя нет нормального статуса, работы и возможности просто купить билет и уехать дальше.

Тем, кто оказался в такой ситуации, кто под угрозами был вынужден согласиться на сотрудничество, я хочу сказать: не позволяйте им себя доломать. Даже если вы уже подписали бумагу о сотрудничестве, но при этом еще никого не выдали и не спровоцировали, —не марайте руки. Пытайтесь спасти и себя, и тех, кого вашими руками они хотят тоже отправить под каток репрессий. Выход есть —если не всегда, то во многих случаях. Не сдавайте других и не сдавайте себя.

В свое время я много читала про разных революционеров. Про то, как Бакунин через всю Сибирь смог убежать из царской ссылки, как люди сбегали из тюрем, как водили за нос царскую охранку. В истории есть примеры, которые могут помочь вдохновиться на правильные действия.

Справка от юристов: что делать, если вас пытаются завербовать

Универсальной инструкции для такой ситуации нет: многое зависит от того, задержан ли человек, есть ли против него материалы для уголовного дела, насколько серьезны угрозы и может ли он физически покинуть Россию. Ниже рекомендации, собранные на основе

[4]https://dept.one/memo/kak-siloviki-verbuyut-lyudej

инструкции[4] «Первого отдела», советов руководительницы EQUAL PostOst Эви Чайки и собственного опыта автора.

Если можете безопасно отказаться—отказывайтесь прямо и коротко. Не нужно вступать с силовиками в длинные споры и объяснять свои убеждения. Если ситуация относительно понятна —например, вы задержаны по административному делу и у вас нет оснований полагать, что против вас готовят уголовное дело,—лучше твердо сказать, что сотрудничать не будете. Как отмечает[4] адвокат «Первого отдела» Евгений Смирнов, колебания могут показать силовикам, что человека еще можно склонить к сотрудничеству.

Если перед вами фактически стоит выбор между сотрудничеством и немедленным лишением свободы, универсального ответа нет. В такой ситуации каждый сам оценивает свой риск. Но даже формальное согласие не означает, что потом обязательно нужно выполнять задания силовиков. В практике есть случаи, когда люди соглашались под давлением, выходили на свободу, а затем прекращали контакт и уезжали.

Не делайте ничего, что может поставить под угрозу другого человека. Не провоцируйте других людей на высказывания или действия, которые могут стать основанием для преследования, не добывайте компромат и не передавайте чувствительную информацию. Если силовики уже дали задание, нужно учитывать, что оно само может быть проверкой завербованного, а человек, против которого вас направили,—частью оперативной комбинации. Поэтому предупреждать потенциальную жертву безопаснее уже после отъезда из России.

Если вы согласились сотрудничать, время обычно ограничено. Первого конкретного действия от завербованного могут потребовать достаточно быстро. Выиграть несколько дней иногда помогают самые обычные причины—болезнь, занятость, необходимость что-то уточнить,—но строить долгую стратегию имитации сотрудничества опасно. Если принято решение выходить из ситуации, подготовку лучше начинать сразу.

Обратитесь к правозащитникам как можно раньше—и честно расскажите, что уже произошло. Даже если вы уже подписали бумагу, передали какую-то информацию или выполнили просьбу силовиков, обращаться за помощью не поздно. Не стоит пытаться в одиночку «исправить» последствия: вместе с правозащитниками можно оценить риски для себя и окружающих и решить, как безопаснее прекратить сотрудничество. Именно это рекомендует и EQUAL PostOst. «Первый отдел» также советует незамедлительно обращаться за помощью, если сразу отказаться не получилось.

Технику, побывавшую у силовиков, считайте потенциально скомпрометированной. Чувствительную переписку—в том числе общение с правозащитниками и подготовку выезда—необходимо вести с другого устройства. При этом важно не только само устройство, но и место и способ связи: не разговаривайте рядом со скомпрометированным устройством, используйте защищенные каналы связи.

По возможности фиксируйте происходящее. Особенно полезны номера телефонов, аккаунты оперативников, переписка, задания, даты и места встреч. Скриншоты лучше сохранять вне устройства, которое могло оказаться под контролем силовиков. Это может понадобиться и для получения помощи, и впоследствии для подтверждения преследования, в том числе при обращении за международной защитой.

Если давление становится системным, стоит рассматривать выезд. Один случайный разговор с оперативником еще не обязательно означает целенаправленную разработку. Но повторные вызовы, реальные угрозы уголовного дела, постоянные звонки или встречи, наблюдение и давление через близких—признаки того, что ситуация серьезнее. Руководительница EQUAL PostOst Эви Чайка рекомендует в таких случаях, если это возможно, временно покинуть Россию и оценивать происходящее уже из более безопасного места.

Если принято решение уезжать, главное—вывезти себя. Не стоит пытаться сразу вывезти всю жизнь. Самое главное—документы для выезда, деньги и маршрут. Очень желательно иметь

«бэк-офис»—хотя бы одного надежного человека за пределами России, который знает маршрут, получает сообщения в заранее оговоренные моменты и понимает, что делать, если связь пропала. План связи, резервное устройство и необходимые приложения стоит подготовить заранее. Чем меньше людей знают о выезде до его завершения, тем меньше риск, что информация случайно попадет к силовикам.

В январе 2025 года сотрудники ФСБ пришли с обыском к 18-летней трансдевушке из Тюмени, нашли в ее телефоне переписку с «Боевой организацией анархо-коммунистов» (БОАК) и стали угрожать ей уголовным делом и многолетним сроком. Под давлением она согласилась на сотрудничество. […] В разговоре […] она рассказала, как выглядит вербовка, как ей удалось обмануть ФСБ и покинуть страну без связей, денег и загранпаспорта.

No Trace Project / No trace, no case. A collection of tools to help anarchists and other rebels **understand** the capabilities of their enemies, **undermine** surveillance efforts, and ultimately **act** without getting caught.

Depending on your context, possession of certain documents may be criminalized or attract unwanted attention. Be careful about what zines you print and where you store them.